

18+

A painting depicting two swans in flight over a body of water. The sky is a vibrant mix of orange, yellow, and blue, suggesting a sunset or sunrise. The water reflects the colors of the sky. In the foreground, there is a line of trees with autumn foliage in shades of red, orange, and green. The overall mood is serene and melancholic.

ЗОЛОТАЯ НЕПОГОДА,
ПОЗОЛОЧЕННАЯ ГРУСТЬ...

Ирина Коробейникова

**Золотая непогода,
позолоченная грусть...**

«Издательские решения»

Коробейникова И. А.

Золотая непогода, позолоченная грусть... /
И. А. Коробейникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516259-5

Осенняя пора... самое лучшее время для творчества. Насыщенные краски осени — что может быть прекрасней? Как приятно гулять по красивым аллеям и шуршать золотистой листвой... А какие красивые виды осенью открываются на природе... Для каждого из нас своя осень. В сборнике собраны произведения современных авторов — участников конкурса «Есть в осени первоначальной...». Поэты и прозаики делятся своими мыслями и осенним настроением с читателями.

ISBN 978-5-00-516259-5

© Коробейникова И. А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Наталья Колмогорова	7
Последний взмах крыла	7
Ирина Арсентьева	9
Это какая-то цыганщина, ей Богу...	9
Праздник шуршащих листьев	11
...Рыжей лисицей	12
Явилась ветрено	13
Анатолий Валевский	14
Чаровница Осень	14
Осенька	15
Осенний блюз	16
Ночь разбитых сердец	17
Татьяна Юдина	18
Ах ты, ноченька	18
Осенний денёк	21
Светлана Сеген	23
Здесь утро начинается туманами	23
Михаил Ломако	24
Солнце внутри	24
Дина Нагорнова	26
Причуды осени	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Золотая непогода, позолоченная грусть...

Ирина Арсентьевна Коробейникова *Редактор*

ISBN 978-5-0051-6259-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Золотая непогода, позолоченная грусть...

Вступление

Осень – это лирика всех времен, со своей загадочностью и грустью.

Для кого-то осень – это новое начало трудового года, хочется творить и писать всю жизнь с чистого листа. Обращать внимание на утонченную и золотую природу. Гулять под еще теплым дождем, внимательно всматриваясь в пасмурное небо. Сидеть пить чай и размышлять о будущем, настоящем и прошлом. Другие реагируют на золотую пору более остро. Возникает чувство усталости, депрессия и появляется желание писать не о «начале начал», а про прошедшую и невозвратную любовь. Обращаться к печали и трагичным мыслям о существовании.

Принято считать, что осень – унылая пора. С деревьев облетает листва, с неба льёт дождь, на улице становится холодно – одним словом, лето безвозвратно уходит, а зима приближается неумолимо.

Всё так, но разве это повод не любить осень – ведь и в ней особенная прелесть. Недаром же русские поэты, от Пушкина до Пастернака, так часто писали именно об осени, воспевая и красоту золотой листвы, и романтику дождливой, туманной погоды, и бодрящую силу прохладного воздуха.

Осенняя пора... самое лучшее время для творчества.

Насыщенные краски осени – что может быть прекрасней?

Как приятно гулять по красивым аллеям и шушать золотистой листвой...

А какие красивые виды осенью открываются на природе...

Для каждого из нас своя осень.

В сборнике собраны произведения современных авторов – участников конкурса «Есть в осени первоначальной...». Поэты и прозаики делятся своими мыслями и осенним настроением с читателями.

Ирина Коробейникова – Председатель жюри конкурса, редактор.

Наталья Колмогорова

г. Самара

Последний взмах крыла

Рано утром небо ещё пузырилось низкими волглыми тучами, но к обеду немного распогодилось.

Взору явилась прозрачная голубизна небес, а со стороны востока выкатилось перезревшее, будто осеннее яблоко, солнце.

Лёгкий ветерок оказался приятным попутчиком – мы дружно шагали в сторону леса. Он уже издали приветливо махал нам зелёными лапами елей, красными верхушками клёнов, переливался золотыми и изумрудными всполохами берёз.

Тропинка бежала вперёд узкой лентой – то исчезая в густой траве небольшого овражка, то вновь выныривая и мягко стелясь под ноги.

Лес принял нас легко и радостно, как старых знакомых: где-то рядом, без умолку, тренькала птичка, а кроны деревьев перешёптывались между собой – «приш-шли, приш-шли!»

Под ногой, нарушая идиллию, хрустнула ветка. Ею оказалась еловая лапа, побуревшая и высохшая так, что стала похожа на старую, истрепавшуюся метлу.

В двух шагах от тропинки – только руку протяни – высилась ель. Из её ствола, точно оголённая кость, торчал обрубок кем-то сломанной ветки.

Крупная капля смолы прикипела на самом её конце, и казалось – вот-вот сорвётся она, полетит со звоном в пожухлую траву.

Смола оказалась удивительно прозрачна на свет, и в глубине её, преломляясь, отражался солнечный луч.

Капля цепко, будто сокровище, держала в глубине своего чрева пойманный лучик – не отпущу!

Рядом с елью – небольшой куст, увешанный ягодой, словно яркими ёлочными игрушками.

Как же он называется?.. Бересклет?

Лист с куста полностью облетел, обнажив тонкие гибкие ветви, и что-то странное, обезоруживающее, жалкое чувствовалось в наготу его, едва прикрытой красной ягодой.

Мы удалялись дальше, в самую чашу...

Ароматы леса становились гуще, тягучей, острее.

Их, ароматы, захотелось закупорить в большую терракотовую бутылку и убрать в дальний угол – настаиваться и дображивать, набирать силу.

И однажды, зимним ненастным вечером, откупорив заветный сосуд, добавить его терпкое содержимое в чай, наливку или пирог со свежими яблоками...

Всё вокруг вдруг показалось неестественным, сказочным: и этот куст с ажурно-буравчатыми листьями; и эта коряга, напоминающая голову дракона; и эта чага на берёзе, похожая на гигантскую улитку.

И шорохи, и звенящие звуки, и игра теней, и проблеск солнца меж листьев...

Удивительный, таинственный лес!

Идти по опавшей листве – одно удовольствие, будто идёшь по кромке моря, а оно шумит, шумит, шумит...

Дубовый лист цвета жареного кофе – вперемежку с лимонно-кленовым, бордово-осиновым, изумрудным, с подпалинами – липовым листом.

Любой формы, любой окраски... Наклонись, подними, полюбуйся!

Поднимаю берёзовый, кладу на ладонь, но он, словно бабочка, легко взлетает с руки, падает к ногам, присоединяясь к собратьям, павшим в схватке за жизнь.

Всё умирает, угасает, блекнет...

Скоро лес сменит яркую палитру красок на другую – неприглядную, бурую.

Почернеет, истлеет, сгорит от первого настоящего мороза...

Запах плесени становится явственней и дарит надежду!

Сучковатая палка, зажата в руке, не знает отдыха: ворошит листву возле пня, хлопочет около муравьиной кучи, деловито копошится у ствола упавшего дерева.

Ствол этот чёрен, словно обуглившаяся головёшка, и только по краям его – коричневые, в светлую крапину, шляпы долгожданных грибов.

Наконец-то!

Срезаю шляпку у первого – руки дрожат от овладевшего азарта.

Вдыхаю неповторимый грибной запах: это запах земли, впитавшей осенний дождь; запах прелых листьев и первых осенних заморозков; этот запах – предвкушение близкой зимы...

Второй час мы кружим по лесу, словно чёрные копатели, в надежде найти настоящее сокровище.

Будто эти невзрачные грибы – и есть смысл всей нашей жизни!

Увлечённые поиском, лишь изредка замечаем, как беззвучно и плавно кружась, то тут, то там, опадает к ногам узорчатый лист...

Окончательно забылось всё, что осталось по ту сторону волшебства: реки асфальтированных дорог, кирпичные коробки домов, паутины проводов, мелкие и крупные дела и заботы.

Только ты – и Лес...

Только ты – и Небо...

Только ты – и Осень...

Только ты – и...

Меж деревьев всё реже мелькают солнечные зайчики – пора возвращаться.

Из чащи леса навстречу нам выползают голубые тени – первые предвестники скорых сумерек.

Выходим на знакомую тропинку с тяжёлой ношей, но лёгкой душой!

На прощание, под самый занавес, лес дарит нам ещё одно чудо, ещё одну изумительную встречу: жёлтая бабочка, едва трепеща крылами, греется в лучах уходящего солнца.

И крылья её также легки, и также жёлты, и также сухи, как и листья в этом лесу.

Бабочка милостиво позволяет нам немного полюбоваться собою, а потом плавно поднимается в воздух и исчезает в тени дерева.

И нам кажется, что это и есть тот самый последний взмах крыльев упорхнувшего от нас лета...

Ирина Арсентьева

г. Караганда

Это какая-то цыганщина, ей Богу...

Утром она безмятежно спала. И сон ее был легким как она сама. Ее почти не было видно под тонким туманным покрывалом, хранившим запах ночного затухающего костра, маленьких мятных травянистых скирд, редкой студеной росы на пестром ковре, собранном искусной рукой из разноцветных лоскутков.

Ночью она повсюду расставила заманухи. Сплела тонкие серебристые силочки и ажурные сеточки, повесила на них жемчужного бисера, исчезнувшего с первыми лучами. Разбросала по гибким веткам шелестящие шелком шали с таинственными орнаментами, рассыпала рябиновые бусы и багряные осинового мониста, которые задрожали от нечаянного прикосновения колыхнувшегося воздуха.

Пробудившись от яркого света, быстро поднялась, сбросив с себя полупрозрачные одежды. Босая, она легко ступала, не касаясь земли, и на ходу плескала на сонное тело колючую, бодрящую озерную воду. И немедля принялась за дела.

Растревожила вялых пичуг, собравшихся в теплые колонии, растрепала им перья и начесала невесомого пуха для будущих заморозков. Погнала их на кормежку тревожным карканьем, нервными взмахами расправляемых крыльев, мечущимися черными точками, сменяющими друг друга в замысловатых воздушных комбинациях.

Стриженым ежиком подравняла скошенные поля, расставила по ним высокие, словно остроконечные девичьи грудки, пшеничные стожки. Набросала зерновых приманок для суетливых мышей и запасливых хомяков. Понаставила всюду опознавательных знаков для зимнего мышкования лисиц, обладательниц пушистых дорожных манто. Забила до отказа беличьи тайники пахучими сухими грибами, сладкой бояркой и шиповником.

Растянула небесный лазурный шатер, вплела в него искрящиеся солнечные нити и невесомое белое кружево облаков. Украшала богато – бордовым бархатом, мехами цвета загара, песка и горчичного меда, золотыми гирляндами ожерелий и россыпями монет. Готовила щедрое угощение – давила янтарный любовный сок из спелых фруктов, подмешивала в питье горьковатое травяное зелье и позднего аромата цветочный нектар. Развесила дымовую завесу с запахом прелой листвы, терпкой рябины, хрустких груздей и бодрящего холодка.

Убрала себя в кровавого цвета рубаху, бесчисленные разноцветные оборчатые юбки, украсила грудь многочисленными связками ягодных бусин и листовых кругляшек. По-бабьи накинула на плечи узорчатую шаль с длинными кистями. Тяжелые косы уложила вокруг головы колосьями, вплела в них синие звездочки астр и желтые солнышки хризантем.

Зазывала к себе в гости, усаживала на мягкие, высушенные в редком тепле, ковры, опаивала сладким вином. Звучали тонкие скрипочки, выводили едва уловимую мелодию. Струны гитары заставляли сердца учащенно биться от тревоги. Музыка любви, печали, одиночества наполняла шатер, и хозяйка его, легко огибая белоствольные березки, кружила в медленном танце. Ее грудь часто вздымалась, и звенели переливчато бусы и мониста. Потом она неистово хохотала, разжигая

страстный костер с поднимающимися ввысь и лижущими прозрачный воздух алыми языками пламени. Летела вместе с огнем, мчалась по сухим травинкам, едва касаясь легкими ногами, боясь опалить. В изнеможении опустилась на колени и, закинув тонкие руки, запела песню так печально, что заплакало само небо, приблизившись вплотную, чтобы не пропустить ни единого звука и слова. Она почти стонала, и вместе с ней стонало и само небо. Оно постепенно серело от тоски и щемящей боли, а потом разразилось страшным воем, в котором слышалось все – и воспоминания об ушедшей молодости, и горечь потерь, и надежда, и вера, и мольба о помощи. И полились разом потоки их бесконечных слез опустошения и освобождения.

Ветер, ставший свидетелем разыгравшейся бурной страсти, замер на время, а потом, вдруг очнувшись, погнал всю эту цыганщину прочь. Стаи кричащих птиц, лоскуты оборванных юбок, рассыпавшиеся бусины, перевернутые золоченые кубки с винным напитком и скомканные серые дождевые занавесы. Закрутил в бешеном круговороте, вымочил насквозь, бросил на землю и исчез.

Цыганка же, смущенно прикрываясь спутанными волосами, не теряя зря времени, раскладывала сушиться одну за другой свои разноцветные юбки...

Осень раскрашивала землю, накладывая друг на друга мазки маслянистой охры...

Праздник шуршащих листьев

Любите ли вы слушать, как шуршат осенние листья? Для меня в этом шуршании непостижимое таинство, которое я пытаюсь объяснить себе уже не первый год. Поэтому ежегодно в начале осени, когда лето еще не оставило своих позиций, а осень уже готовит декорации к новому спектаклю, я устраиваю праздник шуршания листьями. Листьями можно шуршать где угодно. Можно просто взять упавший к вашим ногам лист и растереть его в руках. Можно бродить по тротуарам и шуршать опавшими листьями. Можно собрать пестрый букет, принести домой и любоваться неповторимым художественным решением мастера живописи. Можно подбросить охапку невесомого золота высоко над головой и совершенно счастливым ощущать медленное его парение.

Лучше всего поехать в лес, где «нашуршаться» можно вдоволь, с запасом на всю зиму. Тихонько наступай на цветной коврик и внимательно слушай. Это не просто «шур, шур», как ты думаешь. Это невыдуманная история целой жизни. Главное, слушай.

Потом медленно поднимай глаза ввысь, и ты увидишь удивительного цвета и прозрачности бесконечность. Если деревья высокие, то считай, что тебе повезло. Ты можешь увидеть золотые мазки на голубом холсте. Красивее нет ничего на свете, поверь мне.

Многие любят весну за пробуждение. Лето за оголенность жаркого тела. Зиму за хрустальность воздуха и величественность. А я очень люблю осень и именно раннюю. Это для меня начало года. Кажется, что с увяданием природы, жизнь замедляется и заканчивается, а по моему мнению это – начало. Начало того, что скрыто от глаз. Ты только можешь догадываться о существовании этого сокровенного.

Чтобы приблизиться к этому пониманию, я каждую осень шуршу листьями. В юности хватало просто поддеть ногой несколько листочков, торопливо наступить и бежать дальше. Теперь на праздник приглашаю маленькую внучку. Она бежит по тропинке, и листья, разлетаясь в разные стороны, исполняют долгожданную мелодию. Это вальс, танго, блюз или джаз? Все что угодно. Зависит от настроения.

Осень продолжает накладывать все новые мазки, мешая краски, небрежно оставляет незаконченной свою работу, куда-то торопливо убегая. Вновь возвращается и, забыв о предыдущем занятии, то начинает гонять птиц, то вздумает попугать серыми тучами, бросив на землю несколько капель, то торопит ветер, который заблудил где-то далеко-далеко.

А я беру в руки клубочки теплой шерстяной пряжи. Спицы быстро сплетают уютный мягкий узор. И в каждой вывязанной петельке слышатся тихие шаги по опавшим шуршащим листьям.

...Рыжей лисицей

Осень рыжей хитрой лисицей, однажды проникнув в сердце, поселилась там навсегда. Ее звали Любовь.

Она вытворяла такие штуки, что порой не верилось в происходящее. Притворялась мягкой, пушистой шкуркой, лежала у ног, отогревая замерзшие щиколотки. Апельсиновым шарфиком кружила вокруг шеи, ластилась, юркой змейкой заползала за пазуху. Свернувшись безразличным калачиком, подолгу спала, уткнувшись носом в мягкий уголок подушки. Предавалась мечтаньям, прищуривая глаза. Высунув кончик острого розового язычка, подолгу не отводила глаз, наблюдая за реакцией на свои проделки. Хитрила, как могла.

...Любовь ко всем приходила весной цветами, пением птиц, изумрудной листвой. А ко мне пришла в сентябре желтыми кленовыми листьями, каплями грустного дождика на окне и туманным плащиком серого утра.

За это я и полюбила ее, свою Лисицу. Радовалась, оберегала, лелеяла и выращивала, как маленького мокрого лисенка, оставшегося в одиночестве. Но Лисица моя не была лисенком. Она была матерой хитрой рыжей бестией и пользовалась моими слабостями, возникающими вдруг с ее появлением.

...Вначале я смотрела на него как зачарованная, вслушивалась в каждое слово, сказанное им, как в Молитву, боялась даже пошевелиться, чтобы не спугнуть. Писала неумелые, но проникновенные, вышибающие слезу, стихи. Слушала грустные мелодии, слетающие с тонких дорожек виниловых пластинок. Желала дарить все, что имела сама, за одно прикосновение руки. Рыдала и жалела преданную свою мечту, рассказывала осенним холодным высоким звездам о его глазах, таких же холодных и равнодушных. Ты, Лисица, сыграла тогда со мной злую шутку. Подсунула суррогатный заменитель. Не смогла выдержать слез, наверное. Они ведь были еще невинными, мои слезы.

...Однажды осенью попробовала на вкус запретное. Оно было как райское наслаждение. Ему тоже, кажется, тогда понравилось. Ненадолго потерялась реальность. Ему удалось на время завуалировать серую действительность сиреневым атласом мая, бархатом заботливых прикосновений, ароматом прощального парфюма.

Ты тогда надолго покинула меня, Лисица. Не появлялась, не хотела показать издали даже кончик своего носа. И следов твоих не наблюдалось поблизости. Обиделась, наверное. И даже мои слезы не смогли тебя разжалобить. Нагрешила, как оказалось.

...А потом с разбега бросилась в бездну страсти, ушла, погрузилась в омут с головой. Ходила счастливая, ничего не видела, не слышала и не замечала. Просто пила жизнь жадными глотками. Прощала и прощалась, пытаюсь удержать нежданное свое, вдруг нахлынувшее счастье.

И теперь ты решила остаться со мной, моя Лисица. Старая и мудрая, ходишь около, присматриваешь слегка подслеповатыми глазами, трешься поредевшей и слегка посеревшей шубой. С тобою вместе сидит и моя голова.

А то вдруг взгляд твой станет хитрым, как раньше, махнешь пламенем золотого хвоста, и ищи тебя тогда среди осеннего леса! Или это вовсе не ты бередишь душу? Просто шелест осенних листьев навеивает грусть, и кажутся уходящими твои осторожные невесомые шаги...

Явилась ветрено

*Явилась ветрено. Дохнула свежестью.
Тревожно хмурилась. Моля, молюсь.
Вспугнула перышки. Слегка взлохматила.
Рыдала дождиком. Месила грусть.
Душевым отзвуком. Вдруг опечалилась.
Кружилась листиком. Вокруг колен.
Смотрелась в зеркало. Морщинки гладила.
Слезами серыми. Своих измен.
Вдруг разругалась. Девчонкой рыжею.
Взмахнула кисточкой. Синь разлила.
И медью брызнула. И темным золотом.
Прошлась верхушками. Сожгла дотла.
Сплетала мастерски. Паучьи ниточки.
Ночами зябкими. Туман пила.
Проснулась нехотя. Засыпав шорохом.
Шуршала плащиком. С собой звала.
Любовью вспыхнула. Кровавым пламенем.
Навзрыд заплакала. Вздохнув, ушла.*

Анатолий Валевский

г. Одесса

Чаровница Осень

Сколько замечательных песен и стихов посвящено златокудрой Осени, сколько написано картин и снято фильмов о ней, а всё мало, потому что для восхищения истинной красотой никогда не будет хватать ни слов, ни изображений, ни звуков. Царственная красавица – она гордо, с достоинством вступает в свои права, когда приходит её черёд править миром, и благосклонно принимает дань восхищения, хоть порой и бывает чуточку капризной. Но... что ж поделать, на то они и красавицы, за что им и прощается.

Чаровница Осень меняет наряды чуть ли не каждый день, а бывает, что и не по разу. То она меланхолично-дождливая в морозящем шлейфе тихонько шелестящих мелких капель, оседающих на алых серьгах рябины алмазными искорками. То золотисто-солнечная в медленно плывущем куда-то легчайшем шифоновом покрывале из паутинок отважных осенних летунов – маленьких паучков, отправляющихся на поиски новых территорий. И, словно прощаясь с ними, Осень, вдруг, становится романтично-задумчивой, зябко кутаясь в полупрозрачную вуаль прохладного тумана, сонно плывущего меж задумавшихся потемневших деревьев... Но вот туман неожиданно тает, и грациозная хозяйка поры увядания внезапно феерично предстаёт в будоражащем воображение горячем багрянце, соблазнительно просвеченном насквозь ещё тёплыми лучами солнца! До чего же хороша – глаз не оторвать! И замирает сердце... необъяснимое предощущение чего-то прекрасного волнует и порождает робкие надежды на исполнение заветных мечтаний. Вот он – чудесный миг волшебства! Ах, какой же наряд выберет нынче прекрасная и величественная чаровница?

Осенька

Где-то ближе к обеду, когда из-за отошавших от грозового ливня серых туч выглянуло золотистое солнышко, отразившись мириадами весёлых алмазных искр в последних дождевых каплях на посвежевших травинках, в дверь осторожно постучали. Звук был настолько тихим, что сперва никто не обратил внимания, но через некоторое время он повторился чуть более настойчиво. Дверь плавно открылась. За ней стояла миленькая... то ли девочка, то ли кукла... Она явилась в расклешённом жёлто-горячем платье, обрамлённая ещё зелёными листьями с осенней каёмкой, вся такая улыбочивая, веснушчатая и голубоглазая.

– Здравствуйте! Вот и я, – сказала она и сделала элегантный книксен. – Пора менять летние наряды на что-то более тёплое.

– А... так ты Осень?

– Ну что вы, – незнакомка чуть смущённо усмехнулась. – Сама госпожа придёт несколько позже, когда я всё подготовлю к её появлению. Предстоит соткать из рассветных туманов прохладную кисейную шаль, завернувшись в которую Осень будет слушать прощальные пожелания журавлиных стай, плывущих по остывающему небосводу в тёплые края. А ещё нужно подкрасить багрянцем и золотом верхушки деревьев и кустов, остудить речки, озёра, зажечь алым цветом рябину с калиной и... словом – дел невпроворот. Поэтому я к вам ненадолго – только поздороваться, познакомиться и гостинцев передать...

С этими словами гостя поставила на порог лукошко с ягодами и грибами, помахала ручкой и направилась в сторону ближайшей рощи.

– Постой, а звать-то тебя как?

– Осенька, – обернувшись, откликнулась малышка. – Младшая помощница владычицы золотой поры!

Осенний блюз

Тихо-тихо осенней порой в дальнем углу старого городского парка, где на берегу полусонного глубокого пруда огневеет золотисто-рыжей копной листвы раскидистая берёза. словно родные сёстры, так и не решившиеся оторваться от родного дома и прожившие всю свою жизнь вместе, стоят пять стволов на одном корне и о чём-то едва слышно перешёптываются. Им есть что вспомнить за долгие годы, как и старой, но всё ещё крепкой скамейке, давным-давно обосновавшейся у основания могучей берёзы. Ах, как много жарких и желанных слов было произнесено здесь, как много пролито радостных слёз счастья и горькой обиды... а какие романтические истории рассказаны, и сколько лирических песен было спето под звуки гитары! Робкие поцелуи счастливых влюблённых, первый невинный лепет малышей, ещё только начинающих познавать окружающий мир, туманная вуаль очаровательных воспоминаний давно ушедшей весёлой юности и сладостные видения мирно подрёмывающей старости... всё это помнят верные подруги – берёза и скамейка. Но они умеют надёжно хранить чужие тайны. Впрочем, никто их об этом и не спрашивает. Нескончаемой чередой проносятся дни жизни, мелькая, словно за окном скоростного поезда. Мир неизбежно меняется. Возможно, и здесь когда-нибудь всё будет выглядеть по иному, но сегодня в тихом шелесте золочёных листьев старой берёзы над застывшей водой звучит ностальгическая мелодия осеннего блюза. И пусть так будет...

Ночь разбитых сердец

*Ночь разбитых сердец
По аллеям уснувшим гуляет.
Видно лету конец —
С тихим шорохом лист опадает.
Проплывает туман
Над землей серой дымчатой тенью.
Это только обман,
Что вернутся восторга мгновенья.
Сиротливо лежат
На промокшем асфальте надежды.
Это грустный парад —
Им уже не подняться, как прежде.
Им уже не летать,
Белы крылья изломаны болью.
Можно лишь вспоминать
О счастливых мгновеньях с любовью.*

*Ночь разбитых сердец
В свой терновый венец
Ленты осени грустно влетает.
Скоро лету конец —
И разбитых сердец
Эта ночь урожай собирает.*

Татьяна Юдина

г. Почеп

Ах ты, ноченька

Никогда она не любила осень. И удивлялась и недоумевала, что обожаемый ею Пушкин именно осенью чувствовал особенный душевный подъём и писал такие прекрасные стихи. Да, красиво, когда деревья все в ярких жёлтых нарядах, как в золоте, особенно в солнечный день. Кажется, налетит ветерок, и листочки, как тоненькие золотые пластинки, зазвенят звонко-звонко, а потом посыплются наземь. Удивлялась, почему не звенят, как монетки, когда дворничиха тётя Нюся сметает их в кучки; почему горят – разве может железо гореть, и у всех спрашивала: «Золото – это железо?» В её детском понятии металл-золото-железо было одно.

Не любила осень за то, что день рождения у неё был летом, а летом почти все дети из детского дома разъезжались кто куда – в лагерь, санаторий, к родственникам, у кого они были. Ей было ехать некуда и не к кому. Она была одна. Иногда её к себе в гости на день-два брала дворничиха тётя Нюся, на день рождения обязательно, и вся семья поздравляла и дарила подарки, и устраивала чаепитие с огромным красивым и вкусным тортом. Она благодарила, а сама думала: «Вот осенью соберутся все, и я расскажу про день рождения, а мне не поверят, хотя я никогда не лгу. Это потому, что я одна, потому что ко мне никто никогда не приходит, я никому не нужна. Взрослые не рассказывают ничего, говорят – подрастёшь, потом узнаешь, ты ещё маленькая, не поймёшь. Странные они».

Она очень старалась подрасти побыстрее. Во-первых, чтобы всё узнать, во-вторых, она втайне от всех решила изменить свой день рождения на какое-нибудь число любого осеннего месяца, а, став чуть старше, и с этим определилась – десятое ноября, день Параскевы Пятницы. Тётя Нюся её очень уважала и рассказывала, что она женская заступница. Девочке казалось, что тогда непременно в новый день её рождения случится что-то необыкновенное, важное, от чего изменится вся её жизнь!

Не любила она осень из-за дождей. Это ведь летом дождик хороший – и всё польёт-омоет, и пыль прибьёт. И главное – он тёплый, даже если промокнешь – не страшно, под дождём всё быстрее растёт, значит, и дети. А осенние дожди совсем другие, они холодные, долгие. Небо всё заволакивается толстыми серыми тучами, как будто разбухает, а кто-то невидимый ковшом подливает и подливает воды в тучи. И когда переливает через край, то и дождь идёт. А, может, тучу выкручивают, отжимают как после стирки большое тяжёлое одеяло, и тогда с неба текут маленькие ручейки. Стоит выйти без зонтика, сразу становится мокрым и лицо, и волосы, и руки. Одежду приходится сушить, и в помещении появляется запах сырости, делается неуютно, зябко. Девочка была маленькая, худенькая, всё время мёрзла, её из-за этого и прозвали Зябкой. Она не обижалась, что ж обижаться без толку. Была она тихая, молчаливая, не хотела, чтобы над ней смеялись и подшучивали из-за её картавости и пришепётывания. Она старалась говорить вслух, только когда была одна, но это удавалось редко. А тут ещё беда – при волнении она начинала заикаться. Как-то её показали логопеду, который показал ей упражнения для исправления речи и посоветовал петь – помогает при заикании. Но руководитель хорового кружка

выставил её, сказав, что картавые зайки в хоре не нужны, и дети засмеялись. Горько ей было, но слёзы сдержала, только ещё больше замкнулась в себе.

Но больше всего она не любила осень из-за вечеров и ночей. Вечер наступал тихо и незаметно, за окном рано начинало сереть, словно пасмурное небо опускалось ещё ниже, придавливая и спрессовывая сырой воздух, особенно в дождливые дни. Чтобы разогнать сумрак в комнате, рано включали светильник под потолком, и он казался маленьким тусклым солнышком, как будто оно было в тумане, и конечно, ничуть не грело. А вечер казался бесконечным, успевали после ужина и почитать сказку, и поиграть в лото, разгадать множество загадок, и всё равно был ещё вечер. Девочка думала: «Как странно, про обед никто не говорит „ранний“ или „поздний“, а утро и вечер бывают такими. Ранней ночи тоже не бывает, а поздняя есть».

А потом они расходились по спальным комнатам и укладывались спать. Все засыпали быстро, а ей никак не удавалось уснуть, она лежала тихо и смотрела на потолок, где мелькали вспышки света, появлялись тени. Иногда тени меняли очертания, и тогда казалось, что они как живые, двигаются. Она знала, что это тени от деревьев, что росли за окном, и всё равно было интересно наблюдать, как они протягивают друг к другу ветви-руки, словно пытаются обнять и защитить от ветра. Иногда под окнами останавливалась какая-либо машина, и оттуда доносилась музыка. Девочка не любила громкие, крикливые звуки, её привлекала тихая спокойная мелодия, и тогда она представляла никогда не виденные ею леса и рощи, реки и даже море. По телевизору совсем не то, что «на воле». Она старалась запомнить услышанные песни, чтобы петь себе самой, когда будет одна. Поэтому окружающие не заметили, что «молчунья» почти не заикается, не картавит. Её вообще мало замечали, принимая её робость и стеснительность за нелюдимость.

Однажды тётя Нюся с разрешения директора взяла её к себе на целую неделю: все её родные уехали в гости в другой город потому, что были осенние каникулы у детей. Вдвоём они много разговаривали и играли. Тётя Нюся удивлялась, сколько стихов знает и как хорошо их читает её маленькая подружка. Иногда откуда-то слышалась музыка, и тётя Нюся объясняла, что наверху над ними живут музыканты, муж и жена, вот они и играют на рояле. Тётя Нюся это знала точно, так как раз в неделю убиралась у них. Как-то вечером она собралась отнести жильцам верхней квартиры письмо, которое по ошибке попало к ней в почтовый ящик, и предложила девочке пойти с ней и на её вопрос – есть ли там дети, рассказала, что нет, детей нет, живут вдвоём. Попав в квартиру, «где музыка», девочка с любопытством оглядывалась, ей хотелось посмотреть, узнать, как появляется музыка и откуда, ведь у них в детском доме был только баян. И вдруг в приоткрытую дверь она увидела какой-то диковинный большой чёрный блестящий предмет на трёх ножках, над которым как крыло, была поднята крышка, а спереди тянулся ряд белых и чёрных полосок. Девочка догадалась, что это и есть загадочный рояль. Перед ним стоял круглый табурет на одной ножке. Увидев с каким интересом она разглядывает, хозяин улыбнулся и, взяв её за руку, подвёл к инструменту и спросил, умеет ли она играть. Девочка молча покачала головой. Мужчина сел к роялю и заиграл, девочка слушала, затаив дыхание, только дважды нахмурилась. На вопрос музыканта – это ты поёшь у тётя Нюси в квартире, она, к удивлению этой самой тётя Нюси, кивнула.

– Тогда спой нам, пожалуйста, – попросил он.

Девочка сказала:

– Я спою, только без музыки.

Она вышла на середину комнаты, закрыла глаза и запела. Хозяин квартиры хотел ей подыграть, но она замолчала, а на его просьбу продолжать, настойчиво повторила:

– Только без музыки. Вы неправильно играете.

Хозяин и вошедшая в комнату миловидная женщина, его жена, рассмеялись, потом он нахмурился, проиграл мелодию ещё раз и попросил показать, где именно неправильно, и девочка голосом уверенно показала, где неточность. Он удивлённо развёл руками и переглянулся с женой – а чья же такая умница, но девочка только побледнела и ничего не ответила. Хозяйка увела её с собой в другую комнату и попросила помочь накрыть стол к чаю, а хозяин о чём-то начал расспрашивать тётю Нюсю. Затем он попросил маленькую гостью спеть ещё что-нибудь без музыки. Он по-доброму рассмеялся, услышав вопрос девочки на своё замечание о том, что рояль расстроен – он будет плакать?

Она спела ещё две песни и после чаепития с вкусными пирожными, нагруженная подарками, вернулась с тётёй Нюсей в её квартиру. Весь оставшийся вечер тётя Нюся была задумчива, несколько раз промокнула глаза фартуком, глядя на свою гостью, а потом спросила:

– А вдруг у тебя отыщутся родные, захотела бы ты с ними жить?

Она знала, что отыскаться никто не может, мёртвые не воскресают. Девочка, помолчав, ответила:

– Если они такие, как в той квартире, – и она указала на потолок, – захотела бы!

Ночью ей опять не спалось. Она потихоньку встала и влезла на подоконник. За окном стояла ночь, глухая, осенняя, беззвёздная. Небо было чёрным, оно смотрело прямо на девочку, от напора ветра стёкла в раме тоненько звенели, а ветер ещё плотнее прижимался к окну. Ей казалось, что он просится впустить его, что ночь тоже разглядывает её, особенно пристально после её сегодняшнего пения. Впервые девочке подумалось, кто же написал эту песню, что от слов и мелодии щемит сердце, и наворачиваются слёзы, становится тоскливо и одиноко. И она тихонько запела:

Ах ты, ноченька, ночка тёмная,

Ночка тёмная, ночь осенняя...

На её голос пришла тётя Нюся и, обняв её, укутав в пушистый пуховый платок, как-то непонятно сказала:

– Теперь тебе будет с кем ночки коротать.

Примерно через неделю её вызвали в кабинет директора детского дома. Она вошла туда не без опаски – вроде ничего не натворила, но мало ли! В кабинете она увидела дядю музыканта и его жену, а директор, показав на них, сказала:

– А ты знаешь, нашлись твои родители, они хотят забрать тебя отсюда, чтобы ты жила с ними, ты согласна?

– Конечно! – она бросилась к «папе» и «маме», – конечно, с радостью! На календаре было десятое ноября, запланированный новый день рождения, день Параскевы Пятницы.

Ей вспомнилось, как однажды поздней осенней ночью после юбилейного концерта отца она пела «Ноченьку».

Она улыбнулась: «Глупая, как же можно не любить осень!»

Осенний денёк

Утро выдалось на диво! Солнце разыгралось, так и катится золотым яблочком по серебряному блюдечку! Это перламутровые облака кажутся блюдцем с серым доньшком. Ветра нет, даже на берёзках лист не шелохнётся. Уже мелькают изредка жёлтые листочки, как будто первая седина в волосах, но до яркой проседи ещё далеко. Постоит ещё тепло, вот-вот наступит бабье лето – дивная пора! Да и прогноз обещает. Показалось, или в самом деле чья-то усмешка лукавая скользом прошла? Нет, не показалось – вон клён качнул веткой. А с чего бы ему качать, ветра нет. Это осень! Ишь, думает, надо же, прогнозам верят! Я хозяйка наступающей поро, как решу, что захочу, так и будет! А потом опять сама, разнежившись на солнышке, улыбается светло и ласково – ладно уж, грейтесь, любуйтесь! И как бы в подтверждение, летит паучок на тоненькой блестящей паутинке. Интересно, куда его занесёт, будет ли там ему уютно, найдёт ли друзей? А вот кружатся, мелькают в воздухе два ярких жёлтых пятнышка, как солнечные зайчики. Неужели листья с берёзы? Нет, это две бабочки резвятся, обрадовавшись теплу и солнцу, подзадоривают друг друга. Кто они – сестрички, братишки, а, может, влюблённая пара, забывшая, что лето прошло?! Ведь любви незнакомы никакие ограничения и запреты, кто-то из поэтов сказал – любовь не знает убыли и тлена. Невесть откуда налетевший ветерок уносит бабочек, вот мелькнули ещё раз и исчезли. А шаловливый ветерок приобнял осинку, и она затрепетала как в ознобе. Мерзлячка, наверное, поэтому и шаль на себя накинула расписную, в багряно-красно-коричневых тонах и узорах. Тряхнул пышным чубом клён, и вдруг в нём красноватый оттенок. Красавец! Стоит, подбоченившись, кажет фасон перед тонкой рябинкой, нащёптывает ей что-то. А она, как юная, неопытная девчонка, смущённо улыбается да покачивает головой – нет-нет-нет! Но ухажёр настойчиво пытается прижаться плечом, поправить монисто из алых ягод...

Старик-дуб, много повидавший на своём веку гроз и бурей, кряжистый, весь в желудях, которые янтарём блестят на солнце, неодобрительно хмурится – ох, уж эта молодёжь, ни стыда, ни совести! А рябина, ядреная, краснощёкая и пышнотелая укорчиво качнулась в его сторону, усмехается по-доброму – да полно тебе, забыл свою молодость, как ко мне льнул?! И у дуба расправляются сучья-плечи, он весь светлеет от тёплых воспоминаний, поправляет свои доспехи, которые сидят на нём крепко, ладно, и сразу становится понятно, что есть у него ещё порох в пороховнице.

А вон сосенки, сестрички-близняшки, подросшие за лето, но ещё полные озорства, выскочили на опушку, подставили все свои молодые иголки солнышку, просто сияют от радости, и иголки блестят, и впрямь как швейные иглы. Маленькая хорошенькая пушистая зелёная ёлочка боязливо держится возле бабушки-ёлки. Ох, крут у неё характер, скрипучий от старости, въедливый. Она оберегает внучку-ёлочку и от ветра и от неосторожного шага. Покажется ей что-то или кто-то подозрительным, так и норовит ухватить своими цепкими лапами. А ёлочка ещё нежная, маленькая, даже уколоть не может, иголки крохотные, мягкие.

Пришедшая осень ещё не вошла в пору, но она взрослеет, набирается силы, готовится к своему главному балу. Деревья примеряют наряды, перешёптываются, секретничают, кого и чем будут очаровывать. Незаметно меняется всё вокруг. Небо всё чаще становится белесым, а иногда надуется тучами и начинает кукситься, то просто похнычет, а то и слезу пустит. И речка сразу становится холодной серой лен-

той. А потом, спохватившись, небо кликнет своего друга-ветра, тот разгонит пасмурь, и вновь сияет, как ни в чём не бывало, синева.

Травы, такие пышные, зелёные летом, наверное, от холодных рос, пожухли, поникли, редко когда мелькнёт поздно-цветущий, какой-то помятый цветок.

Сорока каждый день с утра новости приносит, как говорится, на хвосте. И сегодня стрекотала-трещала, наверное, хотела рассказать, что птицы в отлёт собираются. Эка новость! Опоздала ты, белобока, насыпь себе соли на хвост! И так видно и слышно, а вернее, не слышно ни пения жаворонка, ни щебетания ласточек, ни их быстрого полёта, разрезающего крыльями воздух.

А в воздухе витают вкусные осенние запахи – яблоч, сухого душистого сена, дымка от костра, нежных тихих астр. Тени становятся темнее и длиннее, солнышко, пройдя по «малому кругу», к вечеру всё равно устаёт, греет слабее, в воздухе разливается прохлада. А солнце, окрасив напоследок всё вокруг золотистым светом, уходит на покой и уводит с собой чудесный день первоначальной осени.

Светлана Сеген

г. Отрив-ля-Фресс

Здесь утро начинается туманами

Успеть на работу, не опоздать к школьному автобусу, не забыть про покупки, вывести собаку, приготовить ужин, покормить рыбок, вспомнить про себя. Последнее – сложнее всего в бесконечном потоке сентябрьских срочных дел. Срочных ли? Таких ли уж важных?

Замедлиться. Хотя бы на пару минут. Выйти рано утром из дома и погрузиться в туман. Позволить ему расплакаться на твои щеки мелкими капельками, мягко лечь тебе на плечи пуховым платком, увлечь твой взгляд верхушками елей, уходящих до горизонта. Этим пуховым платком укрыт весь холм, каждый его склон, каждая елочка, каждая травинка. Часовня в соседней деревне с разноцветным мозаичным куполом. Дорога, внезапно выныривающая из тумана. Трактор, готовый начать рабочий день. Пара зябнувших лебедей на берегу.

Влажный воздух наполнен переливами колокольчиков. Слева – тонкий и резкий звон, справа – густой и тяжелый, где-то за спиной такой мягкий и легкий. Словно колокольчики разговаривают друг с другом. Деревенская часовня тоже участвует в разговоре звоном к заутрене. А ты оказываешься в самом центре этого волшебства. Совсем скоро ночи станут холодными, и коровы уйдут с полей зимовать на фермы. Колокольчики уйдут вместе с ними. Трактор расстанется с дорогой. Туман с часовней останутся одни. И только ты будешь по-прежнему выходить утром, чтобы пожелать им доброго дня.

Задержись на минуту. Просто побудь здесь и сейчас. Не уходи. Не начинай этот суматошный день с бесконечными неважными делами.

Чья-то добрая рука заботливо поправляет туманный платок на твоих плечах, стирает мокрые капельки с твоих щек. «Светочка, послушай, как звучит это утро. Запомни, как звучит эта осень. Потому что только это утро – важно. И эта осень. И мы с тобой. Вот-вот заскрипит первый трамвай, город проснется и побежит на работу. Всех затянут дела, всем будет некогда... Но пока первый трамвай не прошел, есть только мы и это утро...»

Невольно протягиваешь руку в осенний туман. Вот сейчас бабушка протянет свою, такую большую, мягкую, пахнущую горячими пирожками с капустой. Сожмет твою детскую ладошку крепко-крепко.

И можно будет переходить дорогу. И бежать навстречу первому трамваю.

И начинать новый взрослый день.

Михаил Ломако

г. Москва

Солнце внутри

Осень в этом году не стала чем-то неожиданным. Можно сказать, я к ней подготовился. Как не подготовиться, если по ощущениям она началась еще в июле. Или в июне. Или, если уж быть предельно точным, весна в этом году плавно перетекла в осень. Лета как-то не случилось. А вот осень – да.

Так и я. Честно изобразив бурную радость весной, я сразу начал готовиться к осени. Все эти: тоска, уныние, апатия, хандра, которые каждый год разгоняет лето, заполнили меня еще поздней весной. Календарь отщелкал первое июня, а у меня уже была осень. Природа расцвела, распустилась, а я уже мог разглядеть в ней зачатки угасания и увядания. Что бы ни говорил календарь, лета в этом году не заметили.

Не было прожигающей до самых костей жары. Не было наполняющих встречами путешествий. Не было главных встреч, а с ними не было гранитного спокойствия, что все в моей жизни хорошо. Первое лето, когда ничего этого не было.

Нет, лето было, я бы сказал, замечательным. Солнечным и не жарким. Солнце вообще часто навевалось на небо, позволяя себе разогревать наши тела. Да, в этот раз оно не жгло, ошпаривая прохожих своим кипятком, не прогоняло с улицы, и другой бы сказал, что это было замечательное солнце. Так бы сказал и я. В другой раз. Но в этот раз, надо признаться, было теплое весеннее или, может, приятное осеннее солнце. Никак не летнее. Лета в этом году не случилось. Ни внутри, ни снаружи.

Осенью все по-другому. Прохлада, буйство красок и переменный дождь – важные, но не главные для меня атрибуты осени. Осенью дует ветер. «Да, – заметите вы, – летом тоже бывает ветер». Бывает, только не такой. Осенний ветер, он особенный. Не жаркий, сбивающий дыхание, и не ледяной, пронзающий своими иглами, а в самый раз, с нужной толикой прохлады. Что-то есть в нем для меня другое.

Осенний ветер, он как пастух, сбивает в отару разбредшиеся облака и гонит их на юг. Я жду, когда в облаках появятся бреши и выхожу во двор. Пустынные лавочки аллея приглашают меня к себе. Я выбираю одну из них, закрываю глаза и греюсь под теплыми лучами ускользящего солнца. Я жду. Ждать недолго. Прохладная волна окутывает с боков, нос щекочет избыток кислорода. Я делаю глубокий вдох. Всё, меня здесь нет.

Может быть, я в тысяча девятьсот девяносто седьмом году. Может, в девяносто восьмом или девяносто девятом. Цифры потерялись во времени. Несколько лет слились в один миг, счастливейший миг моего существования. Осень. Пятничный вечер. Я выбираюсь из автобуса, подхватываю пустую сумку и иду домой. Там меня ждут. На плите готовится что-то вкусное. Может, это тефтели в томатном соусе, может, фаршированные перчики или огромная кастрюля наваристого борща. Я буду торопливо есть, не смолкая рассказывать о хорошем и плохом, своих удачах и провалах, планах и наивных мечтах. Буду грубить, дерзить, спорить, буду глупым и капризным, взбалмошным и невоспитанным. Мне простится всё. С кем не бывает. Здесь меня любят. Любят, какой есть, и лучшего от меня не ждут. И я, я люблю свой дом и, выплеснув, накопленную за время разлуки грязь, я наполняюсь теплом родного дома

и самых близких людей. Мы прижимаемся друг к другу и, где-то внутри меня зажигается маленький комочек тепла. Мое солнце.

Зазвонит обязательный телефон. Короткий разговор, и я брошусь со всех ног к выходу.

– Сынок, побудь с нами.

– Мама, но меня же ждет она.

– Долго не гуляй, я не буду спать, буду ждать.

Дальше будут жаркие поцелуи, признания в любви, в верности, разговоры о том, что было, планы на то, что будет. Будет теплая ладошка, и будут ночные прогулки. Будут взгляды в бесконечное небо и вера в важность и уникальность того самого момента наших жизней. Момента, когда ты, окруженный влюбленными по уши в тебя людьми,рываешься криком, бросая свой рык во время:

– Остановись мгновенье! Я ничего другого не хочу!

Но стрелки тикают. Отщелкивает пустые дни невидимый календарь. Вот уже нет теплой ладошки, предательски оставшись в прошлом. Вот уже по-другому горит свет в знакомых окнах, и чужие голоса бродят по родному дому. Прижаться же можно разве что к неказистым нагретым солнцем насыпям, холодной своей глубиной леденящим душу.

Осень в этом году не стала чем-то неожиданным. Времена года сменили друг друга привычным календарем. Так было и будет, к этому легко привыкнуть. Привычка есть ко всему. Даже жить жизнь – что может быть абсурднее. За размышлениями я погружаюсь в сон.

Но задремать не удастся. Сквозь дремоту я слышу, как за рукав теребит возвращающийся из садика мой маленький сын. Он зовет играть. Я открываю глаза. Осенний ветер вновь обдувает меня. Я срываюсь со скамейки и, театрально размахивая руками, устремляюсь за своим мальчуганом. Солнце, мама, оно внутри. Оно твое. Я знаю, что мне с ним делать...

Дина Нагорнова

г. Прокопьевск

Причуды осени

Стоял один из тех дней конца сентября, когда прохладная погода странным образом сочетается с почти по-летнему ярким солнцем. Деревья уже полностью поменяли свои зелёные летние наряды на кричаще-карнавальные осенние одежды. Парк поражал взоры гуляющих людей своим пышным великолепием. Берёзы и тополя грациозно встряхивали золотыми кудряшками, рябина ярко пылали листвою и тяжёлыми гроздьями алых сочных ягод. Изумрудные иголки травы тут и там пестрели рыжими и жёлтыми листьями-бабочками. Это своенравный ветер уже начал раздевать деревья и кустарники, утомившись от пестроты и маскарадности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.